

| После битвы, на самолете Людей Икс | от 3-го лица. |

В самолете Людей Икс, который сейчас пилотирует Арт, поднявшийся в небо всего несколько минут назад, Ванда стояла, приклеенная к экрану, на который выводилось изображение с камеры высокого разрешения: сцена сражения, развернувшаяся возле ее предполагаемого «бывшего» дома, была полностью на виду.

Ее сердце учащенно билось, и она ерзала в кресле, которое использовала, облюбовав его, когда «заходила» в самолет вместе с Артом.

Так что, поскольку она все еще была явно расстроена и потеряна из-за своего положения, ее ерзанье и постоянная смена выражений, нахмуривание и расширение глаз, просто не вызывали удивления.

Почти насильно вынужденная идти с «этими» людьми, она была и до сих пор находится в явно некомфортном настроении.

Мысль о том, что ей вдруг придется оставить своего упрямого брата позади, присутствовала в глубине ее сознания, хотя он и остался невредим, поскольку она умоляла своего якобы нового короля, все равно сильно беспокоила ее.

Ибо будущее его присутствия в братстве без лидера не сулило никаких положительных результатов, по крайней мере, когда она об этом думала.

И поэтому любой человек, который посмотрел бы на нее прямо сейчас, увидел бы в языке ее тела явные признаки неуверенности и некоторого одиночества.

...

— Он... убил его. - Голос Ванды прозвучал по всему очень тихому салону продвинутого черного Sr-71 с тоном, полным неверия и неловкого благоговения. Тот факт, что кто-то мог просто решить убить могущественного и опытного мутанта-террориста, наводившего страх на весь мир, был чем-то, что до сих пор обескураживало ее до глубины души.

Это заставило Арта слегка повернуть голову в ее сторону, незаметно для Ванды бросив на нее простой незаинтересованный взгляд в сторону, так как он предпочел оставаться спокойным в окружении нервной фигуры женщины-человека, сохраняя ровную траекторию движения самолета.

...

Андроид-мужчина Арт, теперь повернутый вперед, смотрел на бескрайнее небо с любопытным взглядом в своих роботизированных глазах, его мыслительный процесс протекал с невероятной скоростью, пытаясь впитать все, что он мог, из того, что произошло за мгновение до этого.

«Она определенно сильно меня обременила.» - Он мысленно нахмурился, так как, к сожалению, не мог нахмуриться физически.

К такому выводу он пришел, поразмыслив несколько мгновений, даже секунд, чтобы оправдать себя в последние мгновения произошедшей битвы.

Столкнувшись с таким огромным количеством металла, в который стреляли таким ортодоксальным образом, без остановки бросаясь ему наперерез, досадная необходимость

защищать «цель» своей миссии была просто слишком значительной, когда он столкнулся с такой атакой, и ситуация дошла до того, что он даже был готов рискнуть своей целостностью и безопасностью ради своей миссии.

Конечно, он не получил бы большого урона от металлической атаки, но в любом случае не смог бы так хорошо защитить девушку-мутанта, что, по мнению Арта, является самым главным фактором, почему Гильгамеш решил взять дело в свои руки и прийти самому, чтобы положить всему конец.

По крайней мере, именно это крутится в роботизированном процессе мышления Арта, независимо от того, какой может быть реальная правда.

И хотя он ничуть не переживал за вражеского лидера Эрика, ему все же показалось немного странным, как его король избавился от него.

Но, как хороший солдат, он вскоре отвлекся от мыслей о былых событиях и сосредоточился на том, чтобы быть ответственным подчиненным и как можно быстрее увести самолет из Восточной Европы.

В конце концов, это было то, что приказал ему сделать его король.

И именно это он и сделал.

...

Если бы Арт и Ванда находились в американском воздушном пространстве, то на хвосте их самолетов уже сидели бы рапторы, так как у ЩИТа была технология, которая, возможно, засекала бы самолет, который они сейчас использовали, и заставила бы ВВС США прислать несколько истребителей, но поскольку все происходило в Восточной Европе, которая все еще была очень далеко, за теми возможностями, которые имел при себе ЩИТ, ни одна из многих стран под ними не смогла

зафиксировать даже крошечное значение на любых подходящих радарх, которые могли у них быть.

К счастью для них обоих.

----- В одно и то же время:

| Неизвестно, 3-е лицо / Южная Дакота |

Климат в Южной Дакоте был мрачным: высоко в небе висели темные тучи, достаточно плотные, чтобы пресечь любые попытки солнца пробить их своими лучами.

Ветер яростно завывал на просторах зеленых прерий Северной Америки, проносясь по открытым полям, словно скоростной поезд, а сверху падали мелкие капли холодного дождя, обливая крепкую, но красивую женщину, сидевшую верхом на сильном буром коне.

Ее черные волосы были мокрыми, прилипшими к лицу и спине, пока она добиралась до дома, а глаза были расфокусированы, так как ее лошадь шла по пути, который она проделывала уже много раз.

Медленно, миг за мигом, женщина вновь обрела контроль над собой и крепко взяла поводья в

руки, управляя лошастью, чтобы остановить ее возле небольшого озера.

Коричневая лошадь слегка пофыркивала, явно испытывая дискомфорт от остановки: капли дождя доставляли бедному животному холод и раздражение.

Однако это не остановило женщину: она легко спрыгнула на землю, ее сапоги всплеснули накопившийся под ногами дождь, намочив серые джинсы.

Не то чтобы это имело для нее значение, она привыкла к такому климату, и поэтому она пошла дальше, к озеру перед собой, где обнаружила маленькую рыжеволосую девочку, обнимающую колени у воды.

— Спрайт? - окликнула ее черноволосая женщина, нахмурившись, когда заметила, в каком промокшем состоянии находится маленькая девочка.

— Что случилось? - Женщина постарше бросила вопрос в воздух, надеясь понять, почему девочка по имени Спрайт сбежала из дома так внезапно, посреди небольшого шторма.

— ...Ничего не случилось. - Таков был ответ, который она получила, к своему огорчению, а Спрайт обняла свои колени еще крепче, чем раньше.

Видя это, девушка согнулась и обняла маленькую девочку, чувствуя, как холодеет ее тело, и хотя она знала, что холод не повлияет ни на кого из них, ей все равно было неприятно видеть свою маленькую спутницу такой угрюмой - даже странно.

— Ты знаешь, что не сможешь меня обмануть, Спрайт. - Она продолжила, — Поговори со мной.

Она закончила свой натиск на оборону Спрайт, надеясь убедить спутницу.

Спрайт некоторое время молча стояла на месте, а потом положила голову на правое плечо своей наставницы, которое к этому моменту стало таким же мокрым, так как слабый и постоянный дождь не прекращался во время их маленькой беседы.

— Что с тобой, Спрайт? - Вопрос прозвучал, и девушка по имени Спрайт наконец поддалась материнскому тону другой женщины.

— У меня было видение... - кротко начала рыжеволосая, ее глаза стекленели от дождя и слез, а зрение было размытым, из-за чего вид, состоящий из озера и небольшого леса рядом с ним, выглядел как детская картина, все смешалось странно и красочно.

Женщина внимательно посмотрела на свою маленькую подругу, нахмурилась брови от незавершенного ответа, решив промолчать и позволить Спрайт продолжить свои рассуждения.

— ... плохое, Аяк. - Эта простая фраза заставила женщину задуматься о том, что могла увидеть ее подруга в своем предполагаемом видении.

Обняв подругу, Аяк притянула Спрайт ближе к себе, и голова маленькой девочки легла на грудь зрелой женщины.

— Что ты видела, что так глубоко преследует тебя, дорогая? - Эти слова вырвались из уст Аяк, и ее сладкий и материнский тон сотворил чудеса, чтобы расслабить маленькую и обычно энергичную создательницу иллюзий.

Коротко всхлипнув, с маленькой слезинкой, скатившейся по ее лицу, и прикрыв глаза, Спрайт обняла Аяка еще крепче, чем раньше, прежде чем прошептать то, что она видела в своих снах.

— Я видела, как умирают наши друзья, Аяк. - Ее едва слышный голос жалобно захрипел на ветру, в нем были отражены боль и страх.

— О-они... ушли, навсегда!

И, собрав последние силы, Спрайт наконец-то вымолвила свои слова, глядя теперь на Аяка глазами, полными слез, желая, чтобы ее видения оказались не более чем простыми кошмарами, хотя в глубине души она знала, что на самом деле это не кошмары.

— Что ты видела, дорогая? - спросила Аяк, теперь уже с осторожными нотками в голосе, ее глаза смотрели на Спрайт, а она с любовью обнимала ее щеки, как это делала бы мать.

Спрайт вздохнула, вспомнив каждую деталь, которую она видела, с точностью до мелочей.

— Я видела золотого человека, высокого и могущественного, он столкнулся с Теной, спрашивая о местонахождении Гильгамеша, когда Тена отказалась удовлетворить его вопрос... ситуация накалилась, они сражались. Тена проиграла, и... - Вспомнив свое видение, она внезапно остановилась на середине предложения, вздрогнув всем телом, на что Аяк лишь ободряюще улыбнулся, - эффективно.

— ...И тогда появился Гильгамеш. - Спрайт продолжила свои воспоминания, зарывшись головой в грудь Аяка.

— Я не слышала их больше, но я видела это, полет, золотые мечи... грандиозный бой между Гильгамешем, Теной и нападавшим... но потом они умерли, Аяк! Они умерли вот так! - К этому времени Спрайт уже рыдала в объятиях Аяка, плача и дрожа от страха, смутения и боли - правда, не физической, а той, что обычно разрушает сердце и разум людей.

— Ну все, все. Все в порядке, я здесь, дорогая, все хорошо! - Аяк утешала Спрайт в своих объятиях, крепко обнимая ее.

Дождь к тому времени стал лить все сильнее и быстрее, все чаще слышалось ржание лошади Аяк, и, поскольку ветер завывал непрерывно, крики Спрайт заглушались простым сопением и приглушенными вопросительными словами, такими как «почему они» и т. д...

----- В далеком мире:

| Один Борсон / Дворец Асгарда, Тронный зал |

В просторном зале, крыша которого покрыта мерцающим золотом, стоит трон Одина - величественное «всевидящее» место для всех, кому посчастливилось войти туда.

В том самом месте, где за последние тысячелетия встречались и совещались различные боги, будь то дела великой важности или простые пиры, здесь, восседая на своем троне, остается фигура всего самого благочестивого.

Один Борсон, титулованный король Асгарда и единственный и неповторимый Всеотец.

Светлокожий, похожий на старика где-то около пятидесяти лет, древний бог хранит на лице задумчивое выражение.

Его длинные золотистые волосы лежат на плечах, а небольшие косички не дают им свободно распускаться, и вместе с его фирменной бородой, длиной до груди, в основном того же цвета, что и волосы, но с большими вкраплениями серебра, он являет собой образ воплощенной мудрости.

Это если не принимать во внимание тот факт, что он лишен правого глаза, который был вырван в качестве жертвы, чтобы самому испытать из Колодца Знаний, а его оставшийся глаз имеет серо-голубую окраску.

Это упоминание об отсутствии глаза, а также использование комичной повязки заставляет богов из прочих пантеонов хихикать всякий раз, когда они видят Одина воочию. Правда, никто из них не делает этого из желания раздора, а лишь как дружеское подхихикивание между друзьями.

По крайней мере, так любят говорить сами так называемые боги.

...

И вот, размышляя о чем-то важном, Один, похоже, приходит к выводу, что бы это ни было, и просто призывает Хеймдалля явиться в тронный зал и предстать перед своим королем.

Именно так и происходит: торопливый, но спокойный Хеймдалль входит в тронный зал и преклоняет колени перед фигурой Одина.

— Ты звал меня, мой король? -задает Хеймдалль риторический вопрос, при этом простодушно приподнимая бровь.

— Хеймдалль, а ты случайно не против уделить минутку своего рабочего времени, чтобы помочь старику? - громко и весело отозвался он.

Стоящий на коленях Хеймдалль ответил ему тем же.

— Я в твоём распоряжении, мой король.

Но перед таким дружелюбием лицо Одина приобрело бесстрастное выражение, он нахмурился и быстро подколот своего столь верного подчиненного:

— Ба, оставь эти пустяковые шутки, друг мой.

Сопровождай меня, давай, быстрее. - Один хрипло сказал Хеймдаллю, его тон был дружелюбным и торопливым, когда он спустился по лестнице и направился в сторону хранилища сокровищ Асгарда.

Хеймдалль был смущен, но не растерян, и поэтому не мог сделать ничего другого, кроме как следовать за своим королем.

Поначалу никто из них не разговаривал слишком много, шли минуты, пока Один не решил нарушить молчание.

— Я видел некоторые интересные вещи, мой друг. - его голова повернулась, чтобы слегка взглянуть на «Стража Врат» своего королевства.

— ... вещи, которые требуют нашего тщательного планирования.

задумчивым тоном начал Один, чем немало позабавил Хеймдалля, который слегка приподнял уголки губ.

Вернув голову в нужное положение, теперь уже глядя вперед, Один продолжил говорить:

— Однако для этих вещей, которые я видел, мне нужно, чтобы мои сыновья присутствовали здесь.

Он решительно заявил об этом, а затем негромко захихикал про себя, подобно тому, как может вести себя дряхлый старик.

Когда его хихиканье прекратилось, он постучал своим золотым копьём по земле, продолжая с того места, на котором остановился.

— А для этого тебе придется много работать, как и положено по должности. Его голос теперь звучал весело, в основном по отношению к самому себе, если верить его тону.

— Я понимаю. Хотя я не верю, что вы привели меня сюда, в хранилища сокровищ, только для того, чтобы сообщить мне о необходимости вернуть домой этих ваших непокорных детей.

Это замечание заставило старого короля слегка фыркнуть от удовольствия. — Так скажите мне, Один, что вы на самом деле видели? - Чувствуя себя совершенно сбитым с толку, Хеймдалль не удержался и спросил Одина об истинных мотивах такого поступка, и Один тоже не разочаровал своим ответом.

— Хаос, Хеймдалль, много хаоса. - Один повернулся лицом к своему самому долгому и верному подчинённому, когда они подошли к воротам одного из многих сокровищ, хранящихся в Асгарде, - Доспехов Разрушителя.

И Хеймдалль не мог не заметить, как блеснул единственный глаз его короля, словно в нем сверкнуло золотое волнение.

— Какого рода, Всеотец? - Это было единственное, что Хеймдалль смог произнести на фоне странного поворота, который принимал этот день. Тот же странно посмотрел в сторону «клетки» разрушителя.

— Такой хаос, который поглощает все существующие пантеоны, друг мой.

Голос Одина, однако, прозвучал странно возбужденно, да еще и с безумным блеском в глазах, что немало позабавило Хеймдалля.

— Неужели? - И Хеймдалль вынужден был ответить, его голос слегка ломался под тяжестью воображения, поскольку он действительно представлял себе конфликт между богами всех мастей, порождающий повсюду разрушения и смерть.

— Хм! И разве это не повод для празднования? Хахаха! - Смех Одина разносился по всему хранилищу сокровищ, а Хеймдалль только и делал, что сглатывал, чтобы не выдать своего беспокойства.

Однако Хеймдалль не знал, что Один имел в виду не какое-то будущее видение, а нового игрока, который вступил в «игру» всего божественного.

Ибо король, которого он видел на земле ранее, несомненно, потряс бы мир Пантеонов, если

судить по плотности божественности, которую носил в себе золотоволосый мужчина.

| Конец главы |

<http://tl.rulate.ru/book/87321/4257024>